

Лемская В. М.

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ ЧЕРЕЗ ОТНОШЕНИЯ ПРЕДИКАЦИИ В ЧУЛЫМСКО-ТЮРКСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В статье анализируются способы выражения посессивных отношений с помощью конструкций, не относящихся к именным, в чулымско-тюркском языках. На основе свежих полевых данных рассмотрены примеры употребления конструкций с явлениями предикативной посессивности, выявлены конструкции с локационным посессивом, комитативным посессивом, топикальным посессивом и транзитивным посессивом. Доказано, что к топикальному посессиву в чулымско-тюркском языке относится и конструкция с генитивным посессивом, в которой логический субъект (топик) выражен формой притяжательного падежа. Именно эта конструкция является наиболее частотной при выражении категории посессивности через отношения предикации в чулымско-тюркском языке.

Ключевые слова: чулымско-тюркский язык, посессивность, категория принадлежности, предикация.

Настоящая статья является продолжением исследования категории посессивности в языках обско-енисейского ареала, в частности – в тюркских языках Южной Сибири (Токмашев, Лемская, 2015), и посвящена изучению особенностей выражения посессивных отношений через плоскость предикации в чулымско-тюркском языке. Выражение категории посессивности через отношения предикации в тюркских языках остается малоизученной темой. Рассматриваемый тюркский идиом является бесписьменным миноритарным языком Западной Сибири, находящимся под серьезной угрозой исчезновения (Лемская, 2013; Дульзон, 1966, 1973 и др.). Проводимая в настоящее время работа по документации языка², исследование его особенностей³ (в том числе, относящихся к категории посессивности), таким образом, представляются особенно актуальными. Языковые примеры выявлены в ходе полевой работы² 2016 г. среди носителей тутальского и мелетского говоров среднечулымского диалекта чулымско-тюркского языка (корпус данных объемом 3769 словоупотреблений).

В нашей предыдущей статье, посвященной исследованию атрибутивной посессивности в телеутском и чулымско-тюркском языках, были затронуты вопросы классификации тюркских идиомов Западной Сибири, состав категории принадлежности, особый статус отдельных показателей этой категории, типы изафетных конструкций, вовлечение проприетивных и адъективных аффиксов в сферу посессивных отношений (Токмашев, Лемская, 2015).

Теоретической базой настоящей статьи является теория предикативной посессивности (Stassen, 2009), согласно которой посессивность рассматривается на языковом уровне морфосинтаксиса. Тюркские языки (соответственно, также и чулымско-тюркский язык) относятся к языкам *Esse*-типа, в которых для выражения предикативной посессивности отсутствуют глаголы, имеющие узкое значение обладания или принадлежности (ср. рус. *иметь* и т.п.). При этом выражение предикативной посессивности имеет место через другие формы и конструкции. Так, для чулымско-тюркского языка в таких случаях весьма характерны слова, приобретающие синтаксическую функцию предиката с семантикой наличия или отсутствия, в сочетании с косвенным падежом атрибута (посессора).

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РФНФ: грант № 15-04-00406а «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала».

² Проект ELDP MDP0330 «Comprehensive documentation and archiving of Teleut, Eushta-Chat, and Melets Chulym: three areally adjacent critically endangered Turkic languages of Siberia».

³ Проект РФНФ № 15-34-01226а2 «Этнокультурная специфика образов пространства и времени в языковом сознании представителей селькупского, хантыйского, чулымско-тюркского и русского этносов в условиях контактного взаимодействия».

Предикативная посессивность выражается в четырех типах конструкций (Stassen, 2009: 38–69): (1) локационный (Locational); (2) комитативный (With-Possessive); (3) топикальный (Topic) и (4) транзитивный (Have-Possessive) посессив. Особой группой выделяется генитивный (Genitive) посессив, относимый автором к локационному (Stassen, 2009: 50).

В ходе полевой работы в чулымско-тюркском языке выявлены примеры, отражающие наличие предикативной посессивности. Общей особенностью этих конструкций является то, что для настоящего времени употребляются т. н. предикаты *par* ‘имеется’ и *šoꞑul* (*šoꞑul*) ‘не имеется’ (ср. Erdal, 2004: 227), при этом для выражения семантики будущего или прошедшего времени вместо этих элементов используются формы вспомогательного глагола *pol-* ‘быть’: *polyan* (<*pol-yan* = *pol*-(G)A(n) ‘быть-PST’) и *polluk* (<*pol-luk* = *pol*-(L)XK ‘быть-FUT’). Глагол *pol-* ‘быть’ не используется для выражения предикативной посессивности в формах настоящего времени. Рассмотрим типологию предикативной посессивности на примере чулымско-тюркского языка.

1. Локационный посессив – это конструкция, состоящая из следующих элементов: в роли грамматического субъекта, выступает обладаемое, предикатом является слово с бытийным значением, посессор, приобретая грамматические признаки косвенного падежа, становится формальным обстоятельством:

- (1) *pistä äträ köp üs kizilerivs par*
‘У нас много чулымцев’
<i>pis-tä</i>	<i>äträ</i>	<i>köp</i>	<i>üs</i>	<i>kizi-ler-ivs</i>	<i>par</i>
<i>pis-DA</i>	<i>äträ</i>	<i>köp</i>	<i>üs</i>	<i>kizi-LAr-(I)(B)Is</i>	<i>par</i>
мы-LOC	очень	много	Чулым	человек-PL-POSS.1PL	есть
- (2) *selsovetta šoꞑul izi*
‘У сельсовета нет работы’
<i>selsovet-ta</i>	<i>šoꞑul</i>	<i>izi</i>
<i>selsovet-DA</i>	<i>čoꞑul</i>	<i>is-(S)I(n)</i>
рус.сельсовет-LOC	нет	работа-POSS.3SG
- (3) *Pašnjaj alında... kirik elliy äp polluk*
‘У деревни Пасечное 40–50 домов (букв. будет)’
<i>Pašnjaj</i>	<i>alında</i>	<i>kirik</i>	<i>elliy</i>	<i>äp</i>	<i>polluk</i>
<i>Pašnjaj</i>	<i>al-(S)I(n)-DA</i>	<i>kirik</i>	<i>elliy</i>	<i>äp</i>	<i>pol-(L)XK</i>
Пасечное	деревня-POSS.3SG-LOC	40	50	дом	быть-FUT

Следует отметить, что глагольную форму в примере (3) можно также интерпретировать как причастие будущего времени на -(L)XK (в процессе грамматикализации к причастию стали добавляться формы лица и числа, что привело к образованию парадигмы форм будущего времени), ср. пример (12).

2. Комитативный посессив – конструкция, в которой помимо бытийного предиката грамматическим субъектом является посессор, обладаемое же может приобретать косвенные формы. В чулымско-тюркском языке к этому типу можно отнести конструкции, в которых обладаемое маркировано деривационным показателем *-LI(G)*, образующим от существительных проприетивные прилагательные:

- (4) *aalim kajdiy attiy vä?*
‘Как называется моя деревня (букв. с каким ли именем моя деревня)?’
<i>aal-ım</i>	<i>kajdiy</i>	<i>at-tiy</i>	<i>vä</i>
<i>aal-(I)m</i>	<i>kajdiy</i>	<i>at-LI(G)</i>	<i>BA</i>
деревня-POSS.1SG	какой	имя-PROP	Q

(5)		<i>(*xaladil'nik) päs tonnuv vü?</i>		
		‘(*холодильник) Пятитонный (ли)?’		
	xaladil'nik	päs	ton-nuv	vü
	xaladil'nik	päs	ton-(L)IG	BA
	рус.холодильник	5	тонна-PROP	Q

В примере (5) обладатель опущен, однако это высказывание представлено вне контекста, в ходе диалога ранее речь шла о холодильнике, который при изучении расширенного контекста примера (5) реконструируется в обладаемое фразы с предикативной посессивностью.

(6)		<i>män kajdiy attiysim vä?</i>		
		‘Как меня зовут?’		
	män	kajdiy	at-tiy-si-m	Vä
	män	kajdiy	al-(L)IG-(S)I(n)-(I)m	BA
	я	как	имя-PROP-POSS.3SG-1SG	Q

Интересен пример (6): отношения предикативной посессивности (*män attiy* ‘меня зовут (букв. я с именем)’ < *män at-(L)IG* ‘я имя-PROP’) встраиваются в систему предложения таким образом, что обладаемое приобретает окончание предикативного склонения, становясь сказуемым. Этому показателю предшествует аффикс принадлежности 3 лица единственного числа, что можно интерпретировать как абстрагирование говорящего при упоминании о себе.

3. Топикальный посессив – конструкция состоит из: бытийного предиката, обладаемого в функции субъекта, при котором, однако, логическим субъектом (топиком) является посессор. Л. Стассен приводит некоторые примеры из турецкого языка (Stassen, 2009: 121–122), в которых топик выражен существительным в родительном падеже (при этом, сам топик отделен от остальных членов предложения запятой). Ранее, однако, указано, что генитивный посессив относится к локационному (Stassen, 2009: 50). Родительный падеж в тюркских языках выражает отношения принадлежности (посессивности, ср. Erdal, 2004: 381), соответственно, отнесение форм с генитивным посессивом к локационному посессиву не представляется оправданным. Что касается чумыско-тюркского языка, наблюдаются многочисленные примеры, в которых логический субъект выражен генитивом, однако не выполняет функцию атрибутива в словосочетании, при этом относится ко всей последующей фразе в целом, соответственно, является топиком предложения (ср. выводы по топикальному посессиву в телеутском языке: статья Д. М. Токмашева в настоящем выпуске).

(7)		<i>a meñ parçozu par</i>		
		‘А у меня все есть’		
	a	meñ	parço-zu	par
	a	*män-(N)IN	parça-(S)I(n)	par
	рус.a	я.GEN	все-POSS.3SG	есть

(8)		<i>a pistiñ äšämädä çoyul</i>		
		‘А у нас ничего нет’		
	a	pis-tiñ	äšämädä	çoyul
	a	pis-(N)IN	äšämädä	çoyul
	рус.a	мы-GEN	ничего	нет

В беглой речи элементы посессивной конструкции могут выпадать, однако легко реконструируются из расширенного контекста. Чаще всего выпадает посессор или бытийный предикат: примеры (9), (10).

(9)	<i>pistiñ kiži äträ (*par)</i> 'У нас много людей (*есть)'		
pis-tiñ	kiži	äträ	
pis-(N)IN	kiži	äträ	
мы-GEN	человек	много	

(10)	<i>a (*pistiñ) äšämädä čoγul</i> 'А (*у нас) ничего нет'		
a	äšämädä	čoγul	
a	äšämädä	čoγul	
рус.а	ничего	нет	

Как уже было отмечено, конструкции с предикативной посессивностью, относящиеся к будущему или прошедшему времени, содержат вспомогательный глагол *pol-* 'быть':

(11)	<i>pistiñ šurduvs poγan</i> 'У нас была жизнь'		
pis-tiñ	šurd-uvs	po-γan	
pis-(N)IN	čurt-(I)(B)Is	pol-(G)A(n)	
мы-GEN	жизнь-POSS. 1PL	быть-PST	

(12)	<i>a silärniñ nözü urlik?</i> 'А что у вас красть?'		
a	silär-niñ	nö-zü	url-ik
a	silär-(N)IN	nö-(S)I(n)	urla-(L)XK
рус.а	вы-GEN	что-POSS. 3SG	красть-PTCP. FUT

Представляется, что пример (12) не относится к типу транзитивного посессива (следующая группа), однако является иллюстрацией топикального посессива. Кроме того, отмечено употребление конструкции с топикальным посессивом в сослагательном наклонении, выраженном заимствованными из русского языка союзом *если* и частицей *бы*:

(13)	<i>pistiñ uluuzu jesli alarγa, to uže bī čakšī polγan</i> 'Если бы мы выбрали старшего, то уже было бы хорошо'					
pis-tiñ	uluuzu	Jesli	alarγa	to uže bī	čakšī	polγan
pis-(N)IN	uluγ-(S)I(n)	Jesli	al-ARGA	to uže bī	čakšī	pol-(G)A(n)
мы-GEN	старший-POSS. 3SG	рус.если	братъ-INF	рус.то уже	хорошо	быть-PST

4. Транзитивный посессив – трехчленная конструкция, состоящая из логического субъекта в функции грамматического, глагола обладания в активном залоге и обладаемого в роли пациенса. Как уже было замечено, в тюркских языках нет глаголов обладания, однако представляется возможным допустить наличие транзитивного посессива в конструкциях с глаголами активного обладания, например, *держатъ*, *братъ* и др.:

(14)	<i>kim nönü tutkan</i> 'Кто что держал'		
kim	nö-nü	tut-kan	
kim	nö-(N)I	tut-(G)A(n)	
кто	что-ACC	братъ-PST	

(15)		(* <i>pis</i>) <i>anı allıkıvs</i> '(*Мы) возьмем его'
	an-ı	al-lik-ıvs
	an-(N)I	al-(L)XK-(I)(B)Is
	он-ACC	братъ-FUT-1PL

Из всех примеров, отобранных нами для анализа, относящихся к предикативной посессивности, наиболее частотными являются примеры топикального посессива с субъектом в притяжательном падеже – 33 примера, сюда же можно отнести примеры с усеченными конструкциями – 9, примеров с локационным посессивом – 10, комитативным – 6, кроме того отмечено 13 примеров употребления конструкций с глаголом *tut*- 'держать' и 11 примеров с глаголом *al*- 'брать' (последние две группы мы относим к транзитивному посессиву).

Интересны некоторые необычные случаи употребления посессивных маркеров в мелетском говоре. Так, по всей видимости, по аналогии с посессивным маркированием существительных подобное оформление получают глаголы:

(16)		<i>pistiñ kizilıvs ajdıvloru</i> 'Наши люди говорят'
	pis-tiñ	kizi-l-ıvs
	pis-(N)IN	kizi-LAr-(I)(B)Is
	мы-GEN	человек-PL-POSS.1PL
		ajd-iv-lor-u
		ajt-(I)B(I)l(X)-LAr-(S)I(n)
		говорить-PRS-PL-POSS.3PL

Следует также отметить, что в мелетском говоре посессивные маркеры 3 лица видоизменяют фонетическую структуру слов, имеющих последней гласной фонемой основы /a/, кроме случаев, когда за /a/ следует взрывной заднеязычный /к/ или /г/: при добавлении показателей принадлежности 3 лица последняя гласная фонема основы /a/ ассимилируется в /o/, дальнейшие словоизменятельные морфемы при этом выравниваются по закону гармонии гласных согласно /o/: *oñaş* 'ребенок' – *anıñ oñaşu* (<an-(N)IN oñaş-(S)I(n) 'он-GEN ребенок-POSS.3SG') 'его ребенок', *oñaştar* (<oñaş-LAr 'ребенок-PL') 'дети' – *anıñ oñaştoru* (<an-(N)IN oñaş-LAr-(S)I(n) 'он-GEN ребенок-PL-POSS.3PL') 'его дети'. Такое явление ассимиляции остается малоизученным и на данный момент необъяснимым. Очевидно, что в примере (16) помимо самого показателя посессива также присутствует и ассимиляция под его воздействием.

Категория посессивности в чулымско-тюркском языке остается малоизученной темой. Необходима дальнейшая верификация полученных данных.

Условные обозначения

1 – 1 лицо; 2 – 2 лицо; 3 – 3 лицо; рус. – русский язык; ACC – аккузатив; FUT – будущее время; GEN – генитив; INF – инфинитив; LOC – локатив; PL – множественное число; POSS – посессивность; PROP – проприетив; PST – прошедшее время; PTCP – причастная форма; Q – вопросительная частица; SG – единственное число.

Список литературы

- Erdal M. A grammar of Old Turkic. – Leiden; Boston; Köln: Brill, 2004. – 575 s.
 Heine Bernd. Possession. Cognitive sources, forces and grammaticalization. Cambridge Studies in Linguistics. – Vol. 83. – New York: Cambridge University Press, 2006.
 Stassen Leon. Predicative Possession. – New York: Oxford University Press, 2009.
 Дульзон А. П. Диалекты и говоры тюрков Чулыма // Советская тюркология. – 1973. – Вып. 2. – С. 16–29.
 Дульзон А. П. Чулымско-тюркский язык // Языки народов СССР. – Т. 2: Тюркские языки. М., 1966. – С. 446–466.
 Лемская В. М. Чулымские тюрки: сокращение численности населения как результат трансформации этноязыкового самосознания // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2013. – Вып. 2 (2). – С. 50–55.

Токмашев Д. М., Лемская В. М. Категория принадлежности в телеутском и чулымско-тюркском языках: именные конструкции // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2015. – Вып. 4 (10). – С. 24–35.

Лемская В. М., кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: lemskaya@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 30.11.2016

Lemskaya V. M.

EXPRESSING POSSESSION THROUGH PREDICATIVE CONSTRUCTIONS IN CHULYM-TURKIC

The article analyzes means of expressing possession relations with constructions not belonging to nominal ones in Chulyum Turkic. Based on new field data, examples of predicative possession constructions in use are considered, locational, comitative, topical and transitive possession types are analyzed. It is proven that topical possession constructions in Chulyum Turkic also include genitive possession constructions in which the logical subject (i.e. topic) is realized in the form of the possessive case. This very construction is the most frequent one in expressing category of possession through relations of predication in Chulyum Turkic.

Key words: *Chulyum-Turkic, possession, category of possessiveness, predication.*

References

Erdal M. A grammar of Old Turkic. – Leiden; Boston; Köln: Brill, 2004. – 575 s.

Stassen Leon. Predicative Possession. – New York: Oxford University Press, 2009.

Dul'zon A. P. Dialekty i govory tyurkov Chulyma [Dialects and sub-dialects of the Chulyum Turks]. Sovetskaya tyurkologiya // Soviet Turcology, 1973. – № 2. – P. 16–29. (in Russian)

Dul'zon A. P. Chulymsko-tyurkskiy yazyk [The Chulyum-Turkic language]. Yazyki narodov SSSR. T. 2. Tyurkskie yazyki [Languages of peoples of the USSR. Vol. 2. Turkic languages]. – Moscow, 1966. – P. 446–466. (in Russian)

Lemskaya V. M. Chulymskiye tyurki: sokrashcheniye chislennosti naseleniya kak rezul'tat transformacii etnoyazykovogo samosoznaniya [Chulyum Turks: population decrease as a result of ethnolinguistic self-identity transformation]. Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2013. – № 2. – P. 50–55. (in Russian)

Tokmashev D. M., Lemskaya V. M. Kategoriya prinadlezhnosti v teleutskom i chulymsko-tyurkskom yazykax: imennyye konstrukcii [Category of possession in Teleut and Chulyum Turkic languages: nominal constructions] Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2015. – № 4. – P. 24–35. (in Russian)

Lemskaya V. M.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: lemskaya@tspu.edu.ru